

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2026.73.30.036****Компенсация правообладателю при принудительном
использовании патента: критерии определения «соразмерной»
выплаты****Лукин Иван Ильич**

Соискатель учёной степени кандидата юридических наук,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80, корп. Г;
e-mail: Max32484832@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются правовые критерии определения «соразмерной» компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принудительном использовании изобретения в порядке статей 1360 и 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации. На основе анализа законодательства, материалов судебной практики 2017–2025 годов (дела о ремдесивире, леналидомиде и семаглутиде), а также положений доктрины и международных стандартов автор приходит к выводу о внутренней противоречивости действующей модели: оценочная категория соразмерности подменена жёсткой фиксированной ставкой в 0,5 процента выручки, оторванной от рыночной стоимости лицензии и не учитывающей терапевтическую и инвестиционную ценность изобретения. Показано, что закреплённая методикой плоская ставка вступает в противоречие как с конституционным требованием равноценного возмещения, так и со стандартом адекватного вознаграждения, предусмотренным статьёй 31 Соглашения ТРИПС и требующим учёта обстоятельств каждого случая. Особое внимание уделено расхождению между административным и судебным режимами принудительного использования, а также проблеме пересмотра компенсации при частичной недействительности патента. Предложены направления совершенствования законодательства, основанные на дифференциации критериев – терапевтической значимости изобретения, объёма расходов на исследования и разработку, остаточного срока действия патента и наличия рыночных альтернатив – и допущении индивидуализированной оценки.

Для цитирования в научных исследованиях

Лукин И.И. Компенсация правообладателю при принудительном использовании патента: критерии определения «соразмерной» выплаты // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 284-290. DOI: 10.34670/AR.2026.73.30.036

Ключевые слова

Принудительное лицензирование, соразмерная компенсация, патентные права, лекарственные средства, статья 1360 ГК РФ, статья 1362 ГК РФ, ТРИПС, баланс интересов.

Введение

Институт принудительного использования патента относится к числу наиболее острых точек напряжения современного гражданского права, где сталкиваются абсолютный характер исключительного права и публичный интерес в доступе к охраняемому решению. Особую значимость эта проблематика приобрела в сфере обращения лекарственных средств, где цена патентной монополии измеряется не только экономическими, но и социальными издержками – фактическим доступом граждан к жизненно необходимой терапии. Конституция Российской Федерации, провозглашая неприкосновенность собственности и допуская принудительное отчуждение имущества для государственных нужд лишь при условии предварительного и равноценного возмещения [Конституция РФ, 1993], задаёт тем самым исходную планку для любого механизма ограничения патентных прав. Однако перенос этого конституционного стандарта в плоскость интеллектуальной собственности оказался далеко не безупречным, и центральным узлом противоречий выступает понятие «соразмерной компенсации».

Материалы и методы исследования

Гражданское законодательство предусматривает два самостоятельных канала принудительного использования запатентованного изобретения. Первый закреплён в статье 1360 ГК РФ и допускает использование изобретения без согласия патентообладателя по решению Правительства Российской Федерации в интересах обороны и безопасности, а с 2021 года – также в случае крайней необходимости, связанной с охраной жизни и здоровья граждан, с уведомлением правообладателя в кратчайший срок и выплатой ему соразмерной компенсации [Гражданский кодекс РФ (часть четвертая), 2006]. Второй канал – судебная принудительная лицензия по статье 1362 ГК РФ, выдаваемая либо при неиспользовании или недостаточном использовании изобретения, либо в пользу обладателя зависимого патента, доказавшего важное техническое достижение и существенные экономические преимущества [Постановление Пленума ВС РФ № 10, 2019]. Принципиальное различие двух режимов состоит в субъекте, определяющем размер выплаты: в первом случае это Правительство, действующее по заранее установленной методике, во втором – суд, формирующий условия лицензии, включая размер, порядок и сроки платежей, в резолютивной части судебного акта.

Результаты и обсуждение

Узловым нормативным актом, определяющим размер компенсации при правительственном использовании, стала методика, утверждённая постановлением Правительства Российской Федерации от 18 октября 2021 года № 1767. Она установила единственный универсальный измеритель – 0,5 процента фактической выручки лица, воспользовавшегося изобретением без согласия патентообладателя, от реализации соответствующих товаров, работ и услуг [Постановление Правительства РФ № 1767, 2021]. Уже сама конструкция нормы обнаруживает методологический изъян: законодатель отказался от индивидуальной оценки экономической ценности конкретного решения в пользу единой плоской ставки, одинаковой и для второстепенного технического усовершенствования, и для прорывной молекулы, на разработку которой затрачены миллиарды и годы клинических исследований. Соразмерность, по существу, была сведена к арифметической доле от чужой выручки, тогда как подлинная стоимость

лицензии определяется совокупностью факторов – терапевтической значимостью, объёмом понесённых правообладателем расходов на исследования и разработку, остаточным сроком действия патента, наличием альтернатив на рынке.

Дальнейшая эволюция методики лишь обострила её внутренние противоречия. Постановлением Правительства от 6 марта 2022 года № 299 в отношении правообладателей, связанных с недружественными иностранными государствами, ставка компенсации была обнулена – установлена в размере 0 процентов выручки [Постановление Правительства РФ № 299, 2022]. Эта мера, продиктованная внешнеполитической конъюнктурой, фактически вывела целую категорию правообладателей за пределы конституционной гарантии равноценного возмещения и поставила под сомнение совместимость российского регулирования с международными обязательствами. Постановлением от 27 марта 2024 года № 380, которым была учреждена специальная подкомиссия по вопросам использования изобретений в целях обеспечения экономической безопасности, обнуляющая норма была отменена с возвращением к базовой ставке 0,5 процента, однако сама модель фиксированного процента осталась неизменной [Постановление Правительства РФ № 380, 2024]. Колебания между нулём и половиной процента наглядно демонстрируют, что размер компенсации в действующей системе определяется не правовыми критериями соразмерности, а соображениями целесообразности, что несовместимо с природой компенсации как восстановительной, а не штрафной или символической выплаты.

Международный стандарт, на который ориентируется значительная часть зарубежных правовых порядков, закреплён в статье 31 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Согласно подпункту (h) этой статьи, правообладателю должно быть выплачено адекватное вознаграждение с учётом обстоятельств каждого случая и экономической ценности разрешения [Соглашение ТРИПС, 1994]. Принципиально, что Соглашение не устанавливает ни фиксированной формулы, ни предельной ставки, прямо требуя оценки «в обстоятельствах каждого случая». Дохийская декларация 2001 года о ТРИПС и общественном здравоохранении подтвердила право государств самостоятельно определять основания выдачи принудительных лицензий, однако не отменила требования индивидуализированного характера вознаграждения [Дохийская декларация, 2001]. Сопоставление этого стандарта с российской методикой обнаруживает концептуальный разрыв: там, где международная норма требует казуального взвешивания экономической ценности, отечественный регулятор предложил единый коэффициент, безразличный к обстоятельствам дела. Показательно, что в зарубежной практике встречаются и более низкие ставки – 0,1 и даже 0,01 процента, – но они применяются как результат индивидуальной оценки, а не как универсальная презумпция.

Российская судебная практика, формирующаяся вокруг статьи 1362 ГК РФ, парадоксальным образом демонстрирует большую гибкость, нежели правительственная методика. Отправной точкой стало дело по иску ООО «Натива» к компании «Селджин Корпорейшн», в котором суд впервые удовлетворил требование о предоставлении принудительной лицензии на использование изобретения, относящегося к лекарственному средству с международным непатентованным наименованием леналидомид, на основании конструкции зависимого патента [Дело № А40-71471/2017]. Хотя на стадии кассации стороны заключили мировое соглашение, дело заложило практический ориентир: размер платежей по принудительной лицензии определяется судом исходя из условий, соответствующих установившейся практике, то есть фактически с опорой на рыночные роялти, а не на фиксированный процент. Тем самым в

судебном режиме обнаружился механизм, более близкий к стандарту ТРИПС, чем административная методика.

Наиболее показательным прецедентом правительственного использования стало дело о ремдесивире. Распоряжением Правительства от конца 2020 года АО «Фармасинтез» было разрешено производить препарат, охраняемый патентами компании Gilead, без согласия правообладателя в целях лекарственного обеспечения в условиях пандемии COVID-19 [Распоряжение Правительства РФ № 3718-р, 2020]. Попытка Gilead оспорить распоряжение в Верховном Суде Российской Федерации не увенчалась успехом: суд подтвердил законность принудительного использования. При этом правообладатель указывал, что несёт убытки в форме упущенной выгоды, лишён возможности контролировать качество и объём выпускаемого препарата и влиять на размер вознаграждения. Именно это дело обнажило отсутствие на тот момент работающей методики расчёта компенсации и стало непосредственным катализатором принятия постановления № 1767, что лишь подчёркивает реактивный, а не системный характер отечественного нормотворчества в данной сфере.

Новейший пласт практики связан с принудительным использованием патентов на семаглутид, принадлежащих компании Novo Nordisk и лежащих в основе препарата «Оземпик». После прекращения поставок оригинального препарата в 2023 году российские производители – «Промомед», «Герофарм», «ПСК Фарма» – вышли на рынок с аналогами, опираясь как на распоряжения Правительства по статье 1360 ГК РФ, так и на судебные иски по статье 1362 ГК РФ. К 2024 году отечественные компании заняли практически весь внутренний рынок семаглутида, а в начале 2025 года были произведены первые выплаты правообладателю, размер которых стороны не раскрыли. Примечательно, что Суд по интеллектуальным правам частично отменил решения нижестоящих инстанций, а часть пунктов патента была признана Роспатентом недействительной, что породило самостоятельный вопрос о судьбе уже выплаченных и подлежащих выплате компенсаций [Постановление Суда по интеллектуальным правам, 2025]. Эта ситуация наглядно показывает, что плоская ставка не способна корректно отреагировать на динамику правовой судьбы патента – частичная недействительность или изменение объёма охраны не находят отражения в формуле, привязанной исключительно к выручке лицензиата.

Доктринальная оценка действующей модели остаётся преимущественно критической. В литературе справедливо отмечается, что соразмерность есть категория скорее этическая, чем рыночная, и что установленная ставка выполняет сигнальную, а не компенсаторную функцию, демонстрируя правообладателям формальный учёт их интереса при фактическом его игнорировании. Такой подход вступает в противоречие с восстановительной природой компенсации в гражданском праве, которая предполагает приведение имущественной сферы потерпевшего в состояние, максимально приближенное к тому, в котором она находилась бы при добровольном лицензировании. Фиксированный процент от выручки лицензиата структурно не способен выполнить эту функцию по нескольким причинам. Во-первых, выручка лицензиата может многократно отличаться от той прибыли, которую извлёк бы сам правообладатель, обладающий иной себестоимостью, иными каналами сбыта и иной ценовой политикой. Во-вторых, формула игнорирует понесённые инвестиции в разработку, тогда как именно невозвратные расходы на исследования составляют ядро экономической ценности фармацевтического патента. В-третьих, единая ставка нивелирует различие между жизненно важным препаратом и второстепенным усовершенствованием, между патентом с длительным остаточным сроком и патентом, близким к истечению.

Отдельного критического осмысления заслуживает соотношение административного и

судебного режимов. Парадокс действующего регулирования состоит в том, что менее формализованный судебный порядок по статье 1362 ГК РФ, опирающийся на установившуюся практику и индивидуальную оценку, оказывается ближе к конституционному и международному стандарту соразмерности, нежели детально регламентированный административный порядок по статье 1360 ГК РФ с его жёсткой методикой. Это означает, что степень защиты имущественного интереса правообладателя зависит не от существа нарушения его права, а от случайного выбора процедуры, что нарушает принцип равенства и подрывает предсказуемость регулирования. Введённая постановлением № 380 подкомиссия как «единое окно» для решений о принудительном использовании не устраняет этого дисбаланса, поскольку сохраняет привязку к той же методике фиксированного процента.

Изложенное позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию российского законодательства. Прежде всего, следует отказаться от единой плоской ставки в пользу гибкой модели, сочетающей базовый ориентир с возможностью корректировки. Базовая ставка могла бы выполнять роль опровержимой презумпции, от которой Правительство или суд вправе отступить при наличии обстоятельств, влияющих на экономическую ценность лицензии. В качестве корректирующих критериев целесообразно нормативно закрепить терапевтическую значимость изобретения, документально подтверждённый объём расходов на исследования и разработку, остаточный срок действия патента, наличие или отсутствие рыночных альтернатив, а также степень использования публичного финансирования при создании решения. Такая конструкция привела бы отечественное регулирование в соответствие с требованием статьи 31 ТРИПС об учёте обстоятельств каждого случая и одновременно восстановила бы связь компенсации с конституционным принципом равноценного возмещения.

Кроме того, необходимо устранить дисбаланс между административным и судебным режимами, распространив требование индивидуализированной оценки на оба канала принудительного использования, и исключить из методики любые нормы, ставящие размер компенсации в зависимость от национальной принадлежности правообладателя, как противоречащие принципу равноценного возмещения и создающие риски для международной репутации российской патентной системы. Целесообразно также предусмотреть механизм пересмотра размера компенсации при изменении правовой судьбы патента – его частичной недействительности, сокращении объёма охраны или досрочном прекращении, – что особенно актуально в свете практики по семаглутиду.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать двойственную природу понятия «соразмерная компенсация» в отечественном праве. С одной стороны, это оценочная категория, укоренённая в конституционном требовании равноценного возмещения и международном стандарте адекватного вознаграждения, предполагающем учёт обстоятельств каждого случая. С другой стороны, в её действующей нормативной реализации соразмерность редуцирована до фиксированной арифметической доли, безразличной к подлинной экономической ценности изобретения. Этот разрыв между декларируемым принципом и его воплощением составляет главный дефект российского регулирования принудительного использования патентов. Преодоление данного дефекта требует перехода от формульной модели к индивидуализированной оценке, способной обеспечить подлинный баланс частного интереса правообладателя и публичной потребности в доступе к охраняемым лекарственным технологиям.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Дело № А40-71471/2017 (ООО «Натива» к Celgene Corporation) // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
3. Декларация о Соглашении по ТРИПС и общественном здравоохранении (Доха, 14 ноября 2001 г.).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. О внесении изменения в пункт 2 методики... : постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 299 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11.
6. О подкомиссии по вопросам использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов... : постановление Правительства РФ от 27 марта 2024 г. № 380 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
7. Об утверждении методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю... : постановление Правительства РФ от 18 октября 2021 г. № 1767 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 43. Ст. 7265.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации».
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 мая 2025 г. (спор о принудительной лицензии на семаглутид).
10. Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3718-р (принудительное использование патентов на ремдесивир).
11. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 г.

Compensation to the Right Holder in the Case of Compulsory Use of a Patent: Criteria for Determining a "Reasonable" Payment

Ivan I. Lukin

Degree-Seeking Applicant for the Degree of PhD in Law,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
125190, 80, bldg. G, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Max32484832@gmail.com

Abstract

The article examines the legal criteria for determining a "reasonable" compensation paid to the patent holder in the case of compulsory use of an invention in accordance with Articles 1360 and 1362 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on the analysis of legislation, materials of judicial practice from 2017–2025 (cases on remdesivir, lenalidomide, and semaglutide), as well as the provisions of doctrine and international standards, the author comes to the conclusion about the internal inconsistency of the current model: the evaluative category of reasonableness has been substituted by a rigid fixed rate of 0.5 percent of revenue, detached from the market value of the license and not taking into account the therapeutic and investment value of the invention. It is shown that the flat rate established by the methodology contradicts both the constitutional requirement of equivalent compensation and the standard of adequate remuneration provided for by Article 31 of the TRIPS Agreement, which requires taking into account the circumstances of each individual case. Particular attention is paid to the discrepancy between the administrative and judicial regimes of compulsory use, as well as the problem of revising compensation in the event of partial invalidity

of the patent. Directions for improving legislation are proposed, based on the differentiation of criteria – the therapeutic significance of the invention, the volume of research and development expenses, the residual term of the patent, and the availability of market alternatives – and the admission of an individualized assessment.

For citation

Lukin I.I. (2026) *Kompensatsiya pravoobladatelyu pri prinuditel'nom ispol'zovanii patenta: kriterii opredeleniya «sorazmernoj» vyplaty* [Compensation to the Right Holder in the Case of Compulsory Use of a Patent: Criteria for Determining a "Reasonable" Payment]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 284-290. DOI: 10.34670/AR.2026.73.30.036

Keywords

Compulsory licensing, reasonable compensation, patent rights, medicines, Article 1360 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 1362 of the Civil Code of the Russian Federation, TRIPS, balance of interests.

References

1. Case No. A40-71471/2017 (Nativa LLC v. Celgene Corporation). (n.d.). Electronic Justice Case File. Retrieved from <https://kad.arbitr.ru>
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of December 18, 2006 (as subsequently amended). (2006). Collection of Legislation of the Russian Federation, 52(Part 1), Art. 5496.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended). (1993). Official Internet Portal of Legal Information. Retrieved from <http://pravo.gov.ru>
4. Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health. (2001, November 14). Doha.
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 299 of March 6, 2022 "On Amending Paragraph 2 of the Methodology..." (2022). Collection of Legislation of the Russian Federation, 11.
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 380 of March 27, 2024 "On the Subcommission on the Use of Inventions, Utility Models and Industrial Designs..." (2024). Official Internet Portal of Legal Information. Retrieved from <http://pravo.gov.ru>
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1767 of October 18, 2021 "On Approval of the Methodology for Determining the Amount of Compensation Payable to the Patent Holder..." (2021). Collection of Legislation of the Russian Federation, 43, Art. 7265.
8. Intellectual Property Rights Court Resolution of May 14, 2025 (dispute over the compulsory licence for semaglutide). (2025).
9. Order of the Government of the Russian Federation No. 3718-r of December 31, 2020 (compulsory use of patents for remdesivir). (2020).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of April 23, 2019 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". (2019).
11. TRIPS Agreement: Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. (1994, April 15).